

Интеллигенты — дрожжи общества

Евгений Колобов и Дмитрий Хворостовский, дирижер и певец. Эти имена гремит сегодня в мире. В недавнем концерте на сцене Большого театра, в котором пели А. Хворостовский и Н. Троицкая и о котором до сих пор говорят Москва, оркестром дирижировал Е. Колобов. В мае нам обещан моноспектакль «Русский романс», его увидят мечтают множество москвичей, чтобы вновь встретиться с неразлучной, кажется, парой.

А. Хворостовский, его имению можно без раздумий доверять, так говорил о Е. Колобове: «Этот музыкант — гений, он и человек потрясающий, столица просто не знает, какой дирижер живет в ней».

Теперь узнала, Рад газет, включая «Вечернюю Москву», в подробности писал о конфликте, потрясшем Академический музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

После выступления газет, коллективных писем в инстанции председатель исполкома Моссовета Ю. Лужков провел по этому поводу представительное совещание, длившееся более трех часов. Кроме того, он дважды встречался с Е. Колобовым. И вот пригласил обозревателя «ВМ», чтобы поделиться своим мнением, рассказать о принятых решениях.

— Не буду вслед за многими газетами умиляться по поводу того, что признанный дирижер, входящий, как считают специалисты, в пятерку лучших в мире, вопреки всем невзгодам, упрямо не желает покидать Родину, хотя вдали ему сулят златые горы. Это, на мой взгляд, совершенно естественно. Даже мне, когда всем нам так трудно, лишь умом, но никак не сердцем могу принять любые доводы, коим бы представлялся любой отъезд, — сказал Юрий Михайлович.

Не хочу брать на себя смелость быть чьим-либо судьей и все-таки признаюсь откровенно, встречи, долгие, искренние беседы с Евгением Владимировичем меня порадовали — есть еще порох в пороховницах. Пока наша земля рождает такие таланты и пока они готовы отдавать все, что у них есть, своему народу, мы можем с оптимизмом смотреть в будущее.

Вы знаете, у меня сложилось впечатление, что Е. Колобова «очень много» — воистину настоящий талант неиссякаем, беззаветно щедр и не может по природе своей быть злым. Беспощадно зла сесть.

— Мы привыкли, что в таких кабинетах, как ваш, симпатии высказываются не столь откровенно. Гневная критика — это подалуйста.

— С дурными привычками пора расставаться. Не стеснялся, не боясь упреков, говорю о своих впечатлениях, выводах. Это во-первых. А во-вторых, глубоко убежден в том, что всякому таланту нужно воздавать должное и на словах, и на деле. Иначе грозит гибельная для общества диктатура посредственности.

Талант не может быть стандартным. Он своим существованием возмущает спокойствие, ибо задает высокую точку отсчета, нередко вызывает зависть, нелегко в общении. Истинные интеллигенты (тоже своего рода талант), прекрасно понимают, что недостатки таланта искупаются его отдачей, и это понимание диктует линию поведения. Для руководителя, от которого в той или иной степени зависит судьба талантливых людей любого масштаба, такое понимание должно быть азбучкой поведения.

— Все это вы прямо относите к Евгению Владимировичу, к ситуации в театре? В некоторых газетах можно было прочесть, что основные причины конфликта — низкая зарплата артистов, неудовлетворенное их желание чаще ездить за границу, другие меркантильные соображения.

— Думать так — значит упрощать положение и искать легкие пути, которые снова заведут в ту

Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Он пришел с твердым желанием много и честно трудиться, чтобы поднять коллектив, спектакли которого собирали все меньше публики. Творческий потенциал нового художественного руководителя позволял надеяться на успех. Поставленные Е. Колобовым оперы «Пират» и «Борис Годунов» стали сенсацией в музыкальном мире, идут с аншлагом. Редко случай для нашей оперы, вообще для сегодняшнего театра. Началась подготовка «Евгения Онегина».

Восприняли оркестр, называющийся сейчас себя «колобовским», хор. Те

Прямую ответственность несут дирекция театра, Комитет по культуре Мосгорисполкома. Надо было мягко, тактично, ненавязчиво помочь коллективу разобраться в своих делах, по крайней мере не усугублять ситуацию. На все это, очевидно, не хватило ни желания, ни душевных сил, ни умения.

Под лицемерные славословия Евгений Владимирович был снят с должности художественного руководителя (причем использовались смежные бюрократические обоснования) и милостиво оставлен главным дирижером с функциями значительно меньшими, чем раньше. По существу, таланту огромной силы был нанесен моральный удар, его загнали в клетку, лишили возможности оказывать всестороннее творческое воздействие на коллектив оперы. При всем при том делается вид, что ничего не произошло.

Случайными или дилетантскими такие действия не назовешь: очевиден расчет — поставить талант на колени, преподать урок другим, чтобы не высывались.

К тому были направлены и совершенно недопустимые действия дирекции театра, почти через три недели после прекращения забастовки, после того как в Мосгорисполкоме состоялся ряд встреч ради нормализации обстановки, пришедшей поддерживать иск в Мосгорсуде против забастовщиков. Это что — провокация, стремление раскрутить новый виток конфликта?

— Диагноз ясен. Как лечить?

— Прежде всего признаю с горечью, что вмешательство Мосгорисполкома запоздало. С этим согласны и руководящие Моссовета, союзного Министерства культуры, с которым обсуждалась наумевшая проблема. Но не все еще потеряно. В театре достаточно здоровых сил, чтобы с честью выйти из кризиса.

Признан ошибочным и отменен приказ Комитета по культуре о снятии Е. Колобова с должности художественного руководителя.

Поддававшееся большинством коллектива готово и дальше работать с Евгением Владимировичем сообща, рука об руку. Дружно двигать дело, и из числа соратников будут соответствующие назначения.

Уместно подчеркнуть, Евгений Владимирович не претендует на руководство балетом этого театра, где есть свои удач (к ним, на мой зрительский взгляд, относится спектакль «Одинокий голос человека»), и, увы, немало проблем, которые тоже будем решать сообща.

Вопрос об этом театре выносится на одно из ближайших заседаний исполкома Моссовета, что уже само по себе — свидетельство значимости проблемы.

И вот что еще очень волнует меня. Сколько же в Москве творческих личностей, коллективов, нуждающихся в помощи городских организаций? Сколько там бурлит готовых взорваться «скотлов»? Об этом мы тоже обстоятельно поговорим на предстоящем заседании исполкома.

В бездне сегодняшних спешных дел, забот, нехваток не должна утонуть наша культура, интеллигентность.

Беседу записал
В. ЯКОВЛЕН.

или дирижер ЕВГЕНИЙ КОЛОБОВ, ОРКЕСТР, ХОР И СОЛИСТЫ

пик. Болезнь глубже, опаснее.

— Есть диагноз?

— Есть, и он делится на три далеко не равнозначные части.

Да, действительно, зарплата, многим превышающая сто рублей, может вызвать лишь горькую улыбку. Десятилетия культура у нас стояла последней в очереди и довольствовалась остатками. При всех нынешних сложностях найдены деньги для повышения зарплаты в театре.

Позорно для столицы состояние театрального здания. Люди приходят сюда ради того, чтобы получить одну из немногих оставшихся нам радостей — насладиться искусством. Их встречают убогие стены, унылая обстановка, лезущая из всех дыр нищета. Нужна основательная реконструкция. Она обойдется городу примерно в 25 миллионов рублей. Пойдем и на это.

Строители завершают работы в Малом театре и перейдут сюда. Реконструкция и реконструкция будут вестись параллельно, это позволит завершить все к осени 1993 года. Закроется же театр всего на несколько месяцев, когда отправится на гастроли.

— Повышение зарплат, реконструкция. Что треть?

— Без него, третьего, театр останется холодным, мертвым домом, материальные затраты окажутся бессмысленными. Третье — это творческая судьба Е. Колобова, ибо он — центральная фигура конфликта.

Два года назад Евгений Владимирович, работавший в Кировском театре Ленинграда, был приглашен в столицу и назначен художественным руководителем Академического музыкального театра имени К. С.

же люди, получив щедрый творческий дар Е. Колобова, преобразились и готовы идти с ним до конца. Охочие до наших богатств зарубежные импресарио уже не только приглашаются к этому коллективу, но и приглашают его на гастроли.

Естественно, ни одно крупное, серьезное дело не делается без труда. Евгений Владимирович сам работает на износ и другим не дает спуску. Оркестр, хор, молодые солисты принимают это неистовство как должное и таким образом кулют свое творческое счастье.

Привыкшие к иной жизни, обремененные занятиями и годами не захотели, а многие и не смогли принять требования нового художественного руководителя.

Особое негодование вызвал «Евгений Онегин», который предполагается ставить, как и задумывал сам Чайковский, с молодыми солистами (хорда Онегину — 60 лет, Ленскому — 55, как бы ни звучал голос и ни старались гримировать, страсти «юных» сердец уже не те).

— Любое общество характеризует его отношение к старшим...

— Согласен. Согласитесь и вы

— старшие должны быть мудры, понимать, что время неумолимо: переход на другие роли и в жизни, и в искусстве неизбежен. Между тем авторы, как известно, поют в колобовских спектаклях.

— Можно ли было «не-двумашне-миз» погасить конфликт в зародыше?

— Несомненно! Имелась возможность не превращать ссору в раскол, избежать забастовки, не доводить Евгения Владимировича до сердечных приступов и большой койки.